

основанную на развитии принципа «любви к ближнему» (стр. 161—195). Церковь, как пытается доказать Лейпольдт, объединила богатых и бедных, проявляя особую заботу о последних. В действительности же в процессе своего развития церковь все больше отходила от трудящихся масс, а достигнув союза с государственной властью, «обосновала» законность и необходимость социального гнета и неравенства. Следует также упомянуть о замене Лейпольдтом метода научного исследования субъективизмом. Так, он считает, что первые проповедники христианства лично знали Иисуса и могли показывать места, где протекала его деятельность. Для распространения христианства в I в. этот фактор, по мнению Лейпольдта, имел большое значение, так как из личных наблюдений ему известно, что и в XIX в. реликвии святых производили большое впечатление на верующих (стр. 11).

Подобная уверенность автора в историчности Христа и апостолов при современном уровне знаний простительна разве что малограмотным верующим, но недопустима для ученого. Суждения автора о неизменности христианского учения, с присущей ему якобы заботой «обо всех», о «благой» роли церкви не выводят работу Лейпольдта за рамки общепринятых в буржуазной историографии концепций. Поэтому надежда автора на некоторую новизну своих взглядов оказывается тщетной (стр. 252).

Таким образом, последние работы буржуазных историков различных направлений по вопросам раннего христианства свидетельствуют о тупике, в котором находится научная мысль в буржуазном обществе. Вместе с тем реакционная политическая направленность современной буржуазной историографии указывает на необходимость постоянной борьбы с буржуазными фальсификаторами истории.

А. Кац

A. SCHARFF und A. MOORTGAT, Weltgeschichte in Einzeldarstellungen, Ägypten und Vorderasien im Altertum, München, 1950, 470 стр.

Рецензируемая книга состоит из двух разделов — «История Египта с древнейших времен до основания Александрии» (написана Шарффом) и «История Передней Азии до эпохи эллинизма» (написана Моортгатом). Вся книга в целом является составной частью серии «Всемирная история в отдельных образах», в которую, как можно судить по ее проспекту, входят еще восемь работ.

Шарфф и Моортгат считают своей задачей освещение преимущественно истории культуры и религии народов Египта и Передней Азии на основе привлечения нового археологического материала.

Подобная ограниченность целей, поставленных авторами, объясняется идеалистическими концепциями, пронизывающими их книги от начала до конца. Так, причину развития древнеегипетского общества времени Древнего царства Шарфф усматривает в борьбе, якобы присущей этому периоду египетской истории, различных религиозных начал — борьбе Сета и Гора (стр. 47), борьбе зверинообразных африканских божеств (Верхний Египет) и антропоморфных, семитических по своему происхождению (Нижний Египет) (стр. 72).

Точно так же Моортгат весь ход истории многочисленных народов Передней Азии с древнейших времен до образования Персидской державы объясняет изменениями религиозных представлений. Указывая на начальный и конечный этапы древней истории Переднего Востока, от архаики до эпохи Ахеменидов, он замечает: «Оба разделены мимом нас длинную цепь идей о боге и мироздании, о смерти и жизни, о добре и зле» (стр. 469). Таким образом, для обоих авторов религия является чрезвычайно важной силой, определяющей в ряде случаев общественное развитие.

По мнению Шарффа, например, в эпоху Древнего царства фараон был земным богом и общение с божествами было возможно только через его посредничество (стр. 79);

в эпоху Среднего царства фараон потерял свою религиозную исключительность (стр. 97), в результате чего наступил период религиозного и политического индивидуализма и, как следствие этого, период господства правителей отдельных областей, который автор неправильно называет феодальной эпохой (стр. 68—75). Моортгат также представляет культ Таммуза определяющим в жизни древнего Шумера. Религиозная идея, заложенная в культе Таммуза, якобы способствовала созданию такого государства, в котором все слои общества находились в состоянии равновесия. Отсюда, по словам Моортгата, вытекает созидательная (schöpferische) деятельность шумерийской ранней истории (стр. 228).

На протяжении всей своей работы Моортгат пытается доказать определяющую роль религии в развитии древневосточного общества. Возвышение Ассирии около 1100 г. до н. э. он объясняет тем, что «при Тиглатпаласаре I впервые вновь ожила старая аккадская идея о мировом господстве» (стр. 397), так как «борьба ассирийского народа и его царей является собственно борьбой божества Ашшура за мировое господство» (стр. 399).

Заключительный период древневосточной истории рассматривается Моортгатом как время возникновения и распространения идей мировых религий — явизма и зороастризма. Последний, по его словам, сокрушил господство бога Ашшура и тем самым обусловил падение ассирийской державы (стр. 437).

Оставляя в стороне анализ социально-экономических отношений Ново-Вавилонского царства, возвышение державы Навуходоносора II Моортгат объясняет тем, что «культ Мардука после своей победы над Ашшуром в последний раз достиг преобладания» (стр. 445). Падение Ново-Вавилонского государства рассматривается как реакция против культа Мардука (стр. 454). Религиозная борьба народов, по мнению Моортгата, завершилась синтезом различных религий — зороастризма, явизма, культа Мардука и других религиозных представлений в мировой державе Ахеменидов (стр. 461, 467).

Подчинив изложение истории стран Передней Азии идеалистической схеме последовательной смены различных религиозных идей, Моортгат объявляет эти идеи исконно присущими тем или иным народам. Таким образом, не столько развитие самих идей, сколько механическая смена их в зависимости от того, какой народ выходит на арену истории, определяли по Моортгату древнейшую историю Передней Азии. Если в шумерийскую эпоху господствовала религия Таммуза (стр. 228), то следующий этап в развитии Месопотамии связывается Моортгатом с торжеством идеи о мировом господстве, развитой семитами Аккада (стр. 397). Дальнейшие изменения в Передней Азии Моортгат объясняет появлением новых народов, спустившихся с гор в долины и установивших здесь совершенно новую форму общественной организации. Такими народами Моортгат считает касситов, хурритов и хеттов, руководящее положение в каждом из которых, по его словам, занимали представители господствующего слоя индогерманцев «всемпрно-исторической, имеющей огромное значение семьи народов» (стр. 322). Все последующее изложение строится Моортгатом с откровенных расистских позиций прославления индогерманцев. В полном согласии с Моортгатом Шарфф называет гиксосов смесью хурритских и других переднеазиатских племен, предводительствуемых якобы индогерманцами (стр. 111). Таким образом, идеализм исторической концепции Шарффа и Моортгата носит откровенный расистско-фашистский характер, что характерно для буржуазной историографии последних лет.

Особенно резко проступает расизм в концепции Моортгата при обрисовке им хеттского государства. В законах Телепина Моортгат видит «...влияние индогерманской части хеттского народа, прежде всего его господствующего слоя» (стр. 352). Индогерманские черты, по его утверждению, состоят в том, что «хеттский царь не был богом, деспотом, как цари Вавилонии и Египта», а являлся вождем (фюрером) во время мира и войны (стр. 353). Свообразие положения рабов в Хеттском государстве Моортгат называет «социальной революцией в действии» (стр. 354) и отмечает особую гуманность, якобы присущую хеттским законам (там же). Подобное утверждение

широко распространено в буржуазной историографии. Однако советские историки показали полную несостоятельность этого утверждения¹.

И Шарфф и в особенности Моортгат оправдывают агрессивную внешнюю политику древневосточных государств, идеалистически толкуют роль личности в истории. Объединение Египта Шарфф объясняет исключительно деятельностью царя Менеса, представляя его «могущественной личностью» (*machtvolle Persönlichkeit* — стр. 39). В таком же плане оценивается деятельность Тутмоса III, который объявляется «выдающимся типом правителя» (*bedeutende Herrscherpersönlichkeit*). По мнению автора, завоевания Хоремхеба привели Египет к новому расцвету (стр. 150). Воспевая захватническую политику аккадских царей, Моортгат характеризует их как представителей «гениального рода властителей» (*genialen Herrschergeschlechts*), создавших благодаря своей энергии обширную державу (стр. 258).

Реакционность и теоретическая беспомощность взглядов Шарффа и Моортгата в полной мере проявляются и в тех редких случаях, когда они обращаются к вопросам социально-экономической истории. Так, пытаясь объяснить характер внутреннего развития Египта эпохи древнего царства, Шарфф привлекает в качестве источника поучение Ипувера, однако истолковывает его крайне тенденциозно. По его мнению, в этом литературном документе излагается социальная революция времени правления дряхлого фараона Пепи II, в ходе которой «Верхний Египет отделился от Мемфиса и с Синайского полуострова орды чужеземных захватчиков проникли в Нижний Египет» (стр. 61).

Таким образом, под социальной борьбой автором понимаются события главным образом внешне-политического характера. Такое толкование социального движения, описанного Ипувером, свидетельствует о стремлении реакционной буржуазной немецкой историографии, представителем которой является Шарфф, отрицать наличие классовой борьбы в древности.

Пространнее, хотя и более запутанно, трактует социально-экономические вопросы Моортгат, пытаясь представить древнешумерийское общество лишенным классовых противоречий. Шумерийскую эпоху, якобы находившуюся под влиянием культа Таммуза, Моортгат называет временем организации общества на «теократическо-государственно-социалистической» основе, временем служения всего общества боже-ству, вследствие чего все силы общества находились в равновесии между собой (стр. 228). Вся история Шумера понимается автором как процесс постепенного отхода от первоначальной религиозной и государственной системы, обусловленной культом Таммуза, что приводило, по его словам, к росту противоречий между храмом и дворцом, к росту социальных различий (стр. 240).

С этих позиций оценивается Моортгатом и деятельность Урукагины, предпринявшего, по его мнению, попытку при помощи социальных реформ спасти первоначальную шумерийскую общественную форму — теократию (стр. 243). По словам Моортгата, реформы Урукагины были обречены на провал потому, что нельзя было восстановить прежнюю религиозную систему. Выход из этого, по мнению автора, лежал в создании больших государств, подобных Аккадской мировой империи, «в которой спор между храмом и дворцом окончился в пользу царского дома» (стр. 258). Держава Хаммурапи как раз и представляла собой, по его мнению, именно такое государство чиновников. В вавилонском обществе Моортгат находит крупных землевладельцев, различные категории свободных собственников, горожан (*Bürger*), батраков (*Knechte*), крепостных (*Hörige*) и рабов (*Skla ven*).

В основе этого модернизаторского построения Моортгата, фальсифицирующего историческую действительность, лежат тенденциозно толкуемые свидетельства источников о значительных пережитках первобытно-общинных отношений в древнейших городах-государствах Шумера, о тесной связи древнейшего храмового хозяйства с этими пережитками и о постепенном усилении борьбы царской власти с жреческой олигар-

¹ В. В. Струве, О гуманности хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20.

хией¹. Реформы Урукагны действительно были обречены на неудачу, что определялось, разумеется, не слабостью религиозных верований, но исторической невозможностью на длительный срок в условиях роста рабовладения и социальных противоречий восстановить древние примитивные отношения и господство жреческой олигархии.

Разумная политика внутренних преобразований в сочетании с сильной властью и крупными внешнеполитическими успехами представляется Моортгату необходимым условием для успешного разрешения внутренних социальных противоречий. В этом отношении активная внешняя политика и бюрократический государственный аппарат государства Саргона I и Хаммурапи кажутся ему идеальными для поддержания классового мира в стране. Эти мысли Моортгата поразительно напоминают взгляды фашистских теоретиков. Известно, что именно фашизм путем проведения бесстыдной социальной демагогии и главным образом агрессивной внешней политики стремился разрешить все внутренние противоречия буржуазного общества.

Таким образом, концепции обоих авторов очень близки как по своим построениям, так и политической направленности. Их представления об историческом процессе на Древнем Востоке сводятся к идеалистическому толкованию роли отдельных личностей в истории и отличаются стремлением «доказать» определяющую роль идей в развитии общества.

И. А. Стучевский.

H. SCULLARD, A history of the Roman World, 753 — 146, L., 1951, 470 стр.

Рецензируемая книга представляет собой второе издание одной из частей семитомной истории греко-римского мира (издание Метуена). Ее автор, профессор Лондонского университета Скаллард, — один из видных историков Рима в современной Англии².

В первой части книги изложена история Рима с древнейших времен до столкновения с Карфагеном. Внутренняя история Рима в так называемый царский период сводится автором к описанию римских древних учреждений и деятельности семи царей. Для него не существует, разумеется, проблемы возникновения государства в Риме. Говоря о патрициях и плебейх, о реформе Сервия Туллия, автор ни в коей мере не связывает эти вопросы с проблемой возникновения государства. В оценке реформы Сервия Туллия автор присоединяется к Ласту, видевшему в ней преимущественно военные цели (стр. 48). В первой части книги основное внимание уделено описанию войн Рима за завоевание Италии (стр. 64—90 и 108—132), которое расценивается автором как величайшее благо для завоеванных племен и народностей. Скаллард заявляет, что римляне подарили завоеванной Италии «Римский мир», благодаря которому общины не могли больше разорять друг друга и была подавлена партийная рознь внутри каждой из завоеванных общин; «Рим, добывший гегемонию острием своего меча, принял роль судьи и полицейского» (стр. 130). Римское завоевание, по мнению автора, привело к «слиянию различных рас Италии в нацию» (стр. 131).

Оценка значения римского завоевания Италии в книге Скалларда, как легко заметить, отличается стремлением затушевать отрицательные, теневые стороны этого завоевания. Автор, видимо, сознательно закрывает глаза на то, что завоевание Италии Римом способствовало упадку производительных сил и непосредственно привело к

¹ См. И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 13—37.

² Наиболее значительные его работы: «Scipio Africanus in the second Punic War» (1930), «Roman Politics 220—150 B. C.» (1949). Рецензию на последнюю работу см. в ВДИ, 1953, № 2, стр. 141—145.